

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ПРЕДБАЙКАЛЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э. – НАЧАЛЕ I ТЫС. Н.Э.

А.М. Коростелев

*Иркутский национальный исследовательский технический
университет, г. Иркутск, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются результаты археологических исследований погребальных комплексов Предбайкалья, датирующихся второй половиной I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э. В это время на территории Предбайкалья совместно существовали две погребальные традиции, корни которых берут свое начало еще в бронзовом веке. Первая из них – бутухейская, вторая – плиточные могилы. Погребенные в обоих случаях укладывались в могильную яму в вытянутом положении. С середины I тыс. до н.э. на территории Предбайкалья появляется новый погребальный ритуал, характеризующийся положением погребенного в могильной яме скорченно, на боку. С появлением нового погребального ритуала – елгинского, в Предбайкалье появляются предметы из бронзы, связываемые с хуннской культурной традицией: ложечковидные застёжки ремня, бляшки с зооморфными изображениями, фигурные и четырехугольные поясные пластины. В заключении делаются выводы относительно постепенной смены погребальной обрядности в Южном Забайкалье и Предбайкалье. Приводятся материалы, отражающие влияние кочевого народа хунну на духовную и материальную культуру носителей елгинского погребального обряда.

Ключевые слова: Предбайкалье, погребальный обряд, елгинцы, хунну, культурные связи.

Введение. Изучение материальных остатков во время исследований на археологических памятниках позволяет производить реконструкцию и делать некоторые выводы относительно древнего населения, которое проживало на определенной территории в определенный период времени. Неоспоримым фактом является то, что периферийные участки, на которых происходил контакт различных культурных общностей, имеют важное значение в постановке проблемы различного рода взаимовлияния этих общностей или доминирования признаков одних общностей над другими как в материальном, так и в сакральном представлении.

В связи с вышесказанным, стоит отметить, что Байкальский регион занимал важное положение в железном веке. Археологические памятники с территории Предбайкалья наглядно демонстрируют процессы культурогенеза кочевых племен Евразийских степей и древнего населения, обитавшего по берегам Байкала во второй половине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э.

В представленной статье рассматривается материал из погребально-поминальных комплексов второй половины I тыс. до н.э. – на-

чала I тыс. н.э. с территории Предбайкалья и делаются выводы относительно появления и распространения елгинской погребальной традиции на этой территории, а также анализируется влияние кочевого народа хунну на культурно-материальную базу елгинцев.

Материалы исследования. В I тыс. до н.э. на территории Предбайкалья совместно существовали две погребальные традиции. Первая из них – бутухейская (рис. 2, 1), для которой характерна плоская овальная каменная кладка, вторая – плиточные могилы, над которыми сооружалась четырехугольная или овальная оградка из вертикально или наклонно установленных плит. Положение умерших для обоих погребальных обрядов одинаковое. Погребенные располагались вытянуто, на спине, головой ориентированы в восточном, юго-восточном и южном направлении [Туркин 2003; Харинский, 2004а]. Умерших хоронили на разных погребальных комплексах. Сопроводительный инвентарь захоронений включает изделия из камня, кости, бронзы, железа. Наличие костных останков домашних копытных животных в плиточных могилах и сопровождающих их поминальных конструкциях свидетельствует о том, что животноводство играло для них важную роль. Основной хозяйственной деятельностью было скотоводство, свидетельство которого в виде костей лошади, овец и крупного рогатого скота находят при раскопках плиточных могил. Исходя из специфики своего хозяйства, строители плиточных могил жили именно в тех районах Прибайкалья, где имелись остепненные участки, пригодные для выпаса скота. На основе полученных радиоуглеродных дат, было предложено выделить в культуре плиточных могил Прибайкалья два этапа: первый – XII–VII вв. до н. э., второй этап – VII–III вв. до н.э. На основе анализа конструктивных особенностей надмогильных сооружений плиточных могил А.В. Харинский и Г.В. Туркин выделили четыре группы погребений: тырганскую, хужирскую, хужир-нугойскую и хоторукскую [Харинский и др. 1995; Туркин 2003]. С первым этапом сопоставлены могилы тырганского типа, со вторым – тырганского, хужирского, хоторукского и хужир-нугойского типов. Именно на втором этапе в погребениях хужирского типа отмечаются первые изделия из железа (Хужир IV – 9, Хонхой I – 1) [Харинский и др. 1995; Горюнова, Свинин 1995]. Также для хужирского типа погребений характерно надмогильное сооружение овальной формы, а не четырехугольной, как у традиционных плиточных могил. Скорее всего это связано с влиянием бутухейской погребальной традиции, хронологические рамки существования которой на территории Предбайкалья определяются XIV – I вв. до н.э.

Происхождение бутухейской погребальной традиции, вероятнее всего, берет начало в бронзовом веке и связано с местным «аборигенным» населением. Над захоронениями сооружались плоские каменные кладки округлой формы диаметром 3-5 м. Погребенный в могильной яме был уложен на спине, вытянуто, ориентирован головой на запад, юго-запад и север-запад.

При появлении на территории Предбайкалья носителей культуры плиточных могил были неизбежны их культурные контакты с бутухейским населением. Вполне вероятно, что они отразились и на погребальном обряде бутухейцев. Ориентировка погребенных меняется на юго-восточную, что характерно в большинстве случаев для культуры плиточных могил.

В погребениях бутухейского типа кости животных отсутствуют. Возможно, это связано с особенностями их погребального ритуала, а может быть и со спецификой хозяйственной деятельности, основу которой составляла охота, собирательство и рыбная ловля. Специализация бутухейцев на охоте и рыбной ловле позволяла им заселять территории, на которых было сложно заниматься скотоводством в значительных масштабах. Материалы, свидетельствующие о занятии бутухейцев скотоводством, появляются лишь в III – II вв. до н.э. Они представлены находкой бронзовой крестообразной ворворки от конской упряжи из комплекса №3 Байкальского XXVII (северо-западное побережье Байкала) и черепами домашних животных, обнаруженных в специально вырытых ямах в погребениях Хужир IV – 1 и Курма II – 4, 5 (Приольхонье).

В середине I тыс. до н.э. на территории Предбайкалья появляется новый погребальный обряд – елгинский, отличающийся по своим характеристикам от вышеописанного бутухейского обряда и плиточных могил. Что стало причиной его появления и носители какой культуры его использовали в сакральных целях?

Исходя из анализа археологического материала, погребальный ритуал, фиксируемый в бутухейских погребениях и плиточных могилах на территории Предбайкалья, не мог стать основой для формирования елгинского погребального обряда, который характеризуется захоронением умершего в яме, на боку с подогнутыми ногами, головой на юго-восток. Над могилой сооружалась плоская каменная кладка овальной или четырехугольной формы (рис. 2, 2).

В долине реки Куды (правый приток Ангары) отсутствуют прототипы будущего елгинского погребального ритуала. К настоящему времени здесь исследовано два захоронения бронзового века. Одно из

них располагалось в местности Улан-Байтог. Его надмогильная кладка имела овальную форму, по размерам ненамного превышая площадь находившейся под ней могильной ямы. Погребенный располагался вытянуто на спине и был ориентирован верхней частью в северо-западном направлении. Второе захоронение – Далхай III-2 отличалось от первого лишь размерами надмогильной кладки. Она была круглой формы диаметром 3 м. Камни уложены в один слой. Наиболее крупные из них располагались по периметру конструкции. В средней части кладки камни отсутствовали. Они были удалены из кладки в ходе ее ограбления. Глубина ямы 24 см, ее дно находилось на 30 – 35 см ниже современной поверхности земли. Яма овальной формы, размерами 0,6x1,8 м. Погребенный располагался вытянуто на спине, ориентирован головой по линии с азимутом 310° [Харинский 2000б]. Судя по имеющейся радиоуглеродной дате 2775±135 л.н. (СОАН-3344), возраст захоронения можно определить в пределах первой половины I тыс. до н.э.

Исключая из числа центров, в котором могло происходить формирование елгинской погребальной традиции, территорию Предбайкалья, где в первой половине I тыс. до н.э. отсутствовали захоронения, в которых погребенные располагались на боку с подогнутыми ногами, обратим внимание на территорию юго-западного Забайкалья. Именно здесь выявлены захоронения, в которых погребенные располагались преимущественно на правом боку (два захоронения на левом боку) с подогнутыми ногами, головой на восток или северо-восток. Захоронения были впущены в плиточные могилы (рис. 1). К настоящему времени в число этих памятников входят: Саянтуй – 91; Тологой II – 8; Верхне-Килганутский улус – 45; Сотниково – 1, 15; Ацай II – 4, 6, 7 [Цыбиктаров 1998: 107] – всего восемь захоронений. Возраст верхнего косяка из могилы 4 могильника Ацай II составил 2530±50 л.н. (ГИН-4416). По мнению А.Д. Цыбиктарова, в V в. до н.э. этот погребальный ритуал приходит на смену культуре плиточных могил [Цыбиктаров 1998: 110].

Группу захоронений из юго-западного Забайкалья, впущенных в плиточные могилы, в которых умершие располагались на боку с подогнутыми ногами А.В. Харинский предложил назвать погребениями сотниковского типа [Харинский 2006а]. Судя по особенностям погребального ритуала, сотниковцев можно считать потомками населения, проживавшего на юге Забайкалья в бронзовом веке. Не исключено, что у истоков формирования сотниковской погребальной традиции находилось население, хоронившее умерших на спине с согнутыми в коленях ногами. Их захоронения группировались в самостоятельные могильники, как, например, Онкули в Баргузинской котловине [Хамзина 1974]

или составляли отдельные группы захоронений на разновременном могильнике. Такая группа, получившая номер III, представлена на Фофановском могильнике [Герасимов, Черных 1975]. Умершие укладывались в могиле на спину, с согнутыми в коленях ногами. Ориентация костяков неустойчивая: от северо-восточной до юго-восточной. По мнению М.М. Герасимова и Е.Н. Черных, культурное положение третьей (самой поздней) группы погребений Фофановского могильника неясно. Они появляются на могильнике позже времени существования глазковской культуры. К числу сотниковских можно отнести и захоронение 36 из II группы погребений Фофановского могильника, где погребенный лежал на спине с согнутыми ногами, головой на юго-восток [Герасимов, Черных 1975]. По этому захоронению имеется радиоуглеродная дата 3740 ± 50 л.н., с учетом калибровки соответствующая концу III тыс. до н.э. [Мамонова, Сулержицкий 1989: 23-24].

Вероятно, процесс формирования сотниковской культурной общности имел следующую последовательность. В конце II тыс. до н.э. предки сотниковцев были вытеснены из степных районов Южного Забайкалья носителями культуры плиточных могил, обосновавшись преимущественно на малопригодных для кочевого скотоводства территориях. Начиная с V в. до н.э. сотниковцы вновь возвращаются в степные районы Забайкалья, занимая те ландшафтные ниши, где до них жили носители культуры плиточных могил. Повторяя путь, когда-то проделанный носителями культуры плиточных могил, елгинцы пересекли Байкал и заселили лесостепные районы, охватывая территории, на которых можно было заниматься полuosедлым скотоводством [Харинский 2005в: 46].

Изменение погребального обряда, фиксируемое у потомков сотниковцев в Предбайкалье, вероятно, было обусловлено влиянием на них со стороны носителей бутухейских погребальных традиций, с которыми они, например, в Приольхонье соседствовали около ста лет. Под их воздействием восточная ориентировка сотниковцев меняется на юго-восточную, а надмогильные кладки тех и других стали практически одинаковыми – овальная или подпрямоугольная плоская конструкция из камней. Изменения, произошедшие с сотниковцами на западном берегу Байкала, привели к формированию новой культурной общности – елгинской.

Однако, напрямую отождествлять Забайкальские захоронения с подогнутыми ногами с погребениями елгинской группы нельзя. Во-первых, они датируются более ранним временем – серединой I тыс. до н.э. Во-вторых, все сотниковские захоронения являются впускными и

пока не обнаружено ни одного индивидуального погребения, датирующегося второй половиной I тыс. до н.э. В-третьих, в забайкальских захоронениях погребенные ориентированы головой на восток или северо-восток, в отличие от елгинцев, укладывавших своих покойников головой на юго-восток. Сотниковские впускные захоронения лишь явились основой для формирования елгинского погребального обряда.

Таким образом, со второй половины I тыс. до н.э. на территории Предбайкалья появляется елгинская погребальная традиция. Начальный этап этого периода V – III вв. до н.э. характеризуется появлением первых елгинских захоронений к западу от Байкала и продолжением господства на этой территории бутухейского погребального ритуала и плиточных могил. Елгинский погребальный ритуал отличался от захоронений бутухейцев и плиточников по положению погребенного в могильной яме, которого хоронили на боку с подогнутыми ногами, головой ориентировали на юго-восток. Над захоронением сооружалась плоская овальная или четырехугольная каменная кладка. Появление нового погребального ритуала на территории Предбайкалья явилось результатом переселения племен из Южного Забайкалья – носителей сотниковской погребальной традиции. Они также хоронили умерших в скорченной позе, но ориентировали головой исключительно на восток. Изменение ориентировки погребенных на юго-восточную, возможно, было связано с влиянием со стороны носителей бутухейских погребальных традиций. Следует также отметить, что наличие на одном некрополе захоронений бутухейского типа и плиточных могил зафиксировано в Предбайкалье только один раз на могильнике Хужир IV. А совместных захоронений на одном археологическом памятнике плиточных могил и елгинских погребений не отмечено.

Обсуждение. Анализируя процессы изменения погребального обряда у населения Предбайкалья в середине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э., стоит указать, что к западу от Байкала не было постоянного хуннского населения. Здесь отсутствуют захоронения, выполненные с учетом хуннской погребальной традиции. Поскольку хуннская держава, как и последующие, являлась объединением полиэтническим, то наряду с общими чертами материальной и духовной культуры, в частности погребального обряда, должны прослеживаться и локальные особенности. Таковыми, в целом, отличными от хуннских, являются погребения с согнутыми в коленях ногами, фиксируемые на правом или левом боку с ориентировкой преимущественно на юго-восток. Главная объединительная особенность этих захоронений – поджатые ноги погребенных.

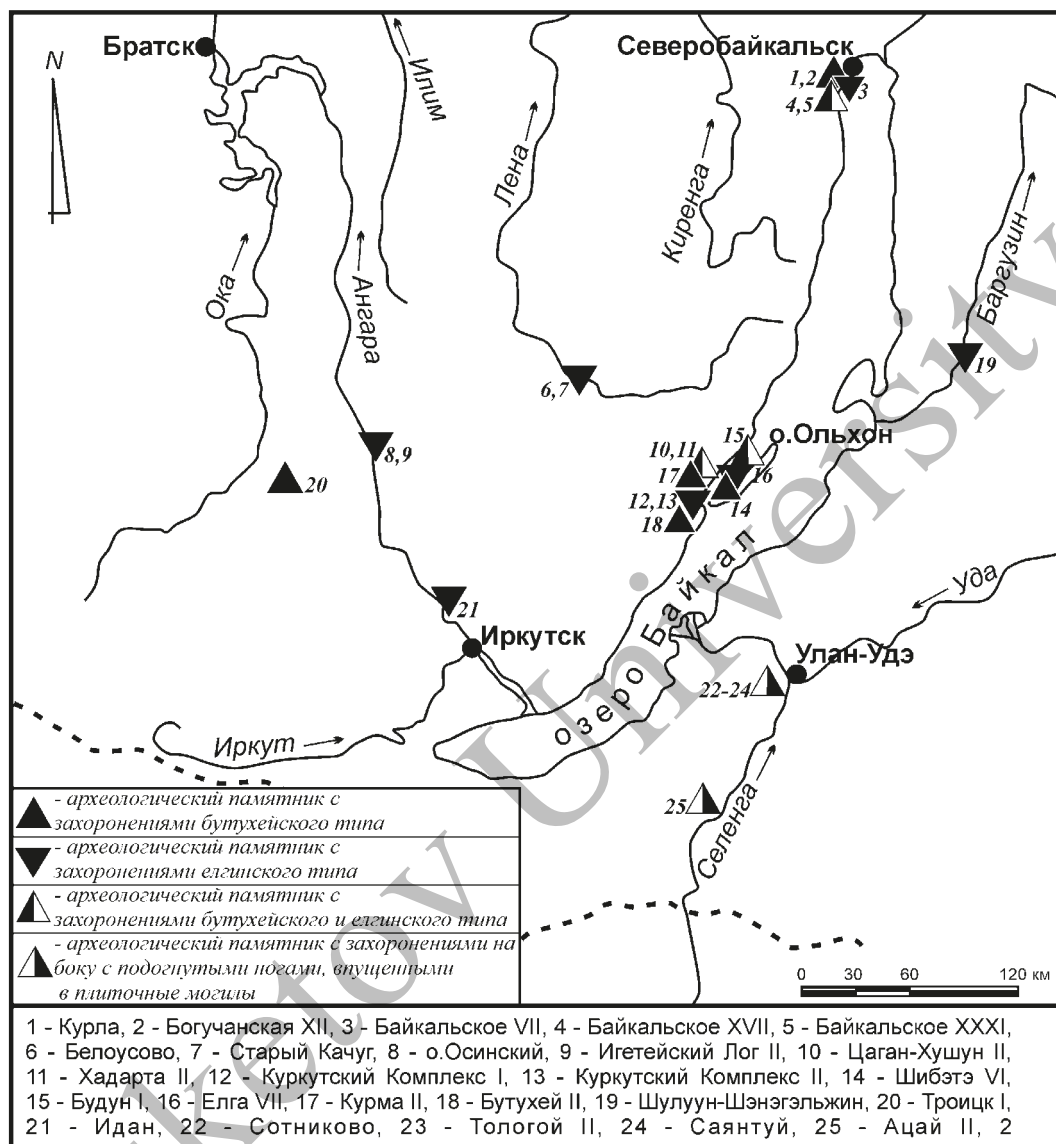


Рис. 1. Карта Предбайкалья с расположением бутухейских и елгинских погребально-поминальных комплексов, датирующихся второй половиной I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э.

Данные археологии не дают оснований включать побережье Байкала и Приангарье в состав хуннуской державы. Если в этот регион и заходили хунну, то ненадолго, возможно, для сбора нерегулярной дани и совершения торговых операций [Харинский 2005а]. Наличие в материалах археологических памятников Предбайкалья вещей, имеющих центральноазиатское происхождение или их прототипов, свидетельствует о тесных культурно-экономических связях его обитателей с державой хунну [Харинский 2004б]. Распространенный в конце I тыс.

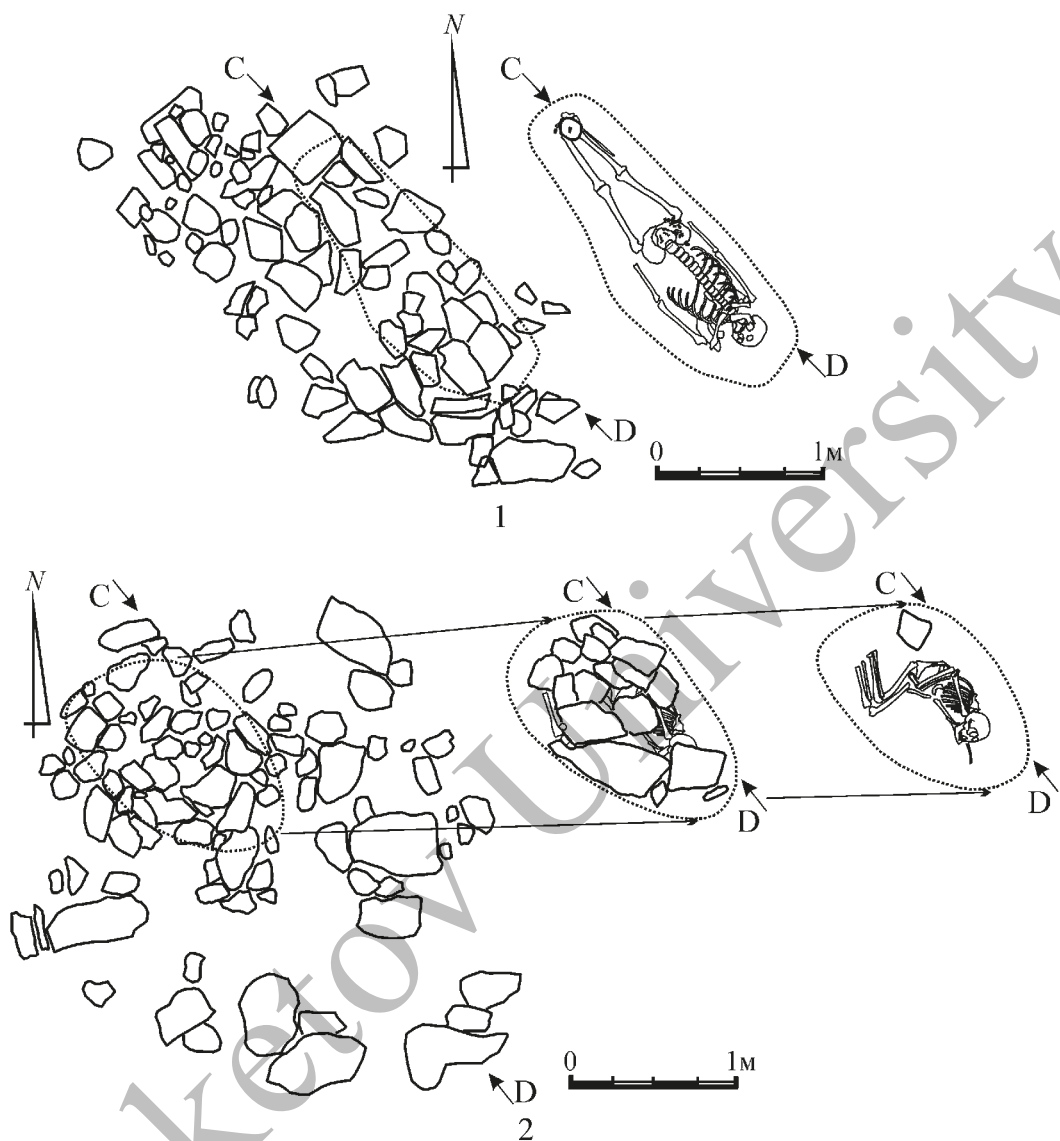


Рис. 2. 1 – Бутухейский тип погребений (Цаган-Хушун II «а» – 23), 2 – Елгинский тип погребений (Цаган-Хушун II «а» – 19)

до н.э. – начале I тыс. н.э. в лесостепном Предбайкалье елгинский погребальный обряд, вопреки мнению И.В. Асеева [Асеев 2002: 11; Асеев 2003: 125], не мог принадлежать ни гуннам, ни курыканам, так как сформировался до того, как эти народы появились на юге Сибири.

Рассматривая в целом Прибайкалье и его соседние регионы, стоит выделить районы, где также имеются погребения, в которых умерших хоронили с подогнутыми ногами. Такие захоронения, датируемые серединой I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э., раскопаны на памятниках

Забайкалья Чиндант IV и Ононск I на Ононе [Асеев 1973]. Оба захоронения отнесены И.В. Асеевым, И.И. Кирилловым и Е.В. Ковычевым к чиндантскому типу погребений бурхотуйской культуры [Асеев и др. 1984: 114]. Захоронения, синхронные елгинским и с труположением на боку с подогнутыми ногами, обнаружены на памятнике Харга I в Еравнинской котловине [Ивашина, Климашевский 1973; Цыбиктаров 1998]. В долине р. Витим, расположенной к северу от Байкала, также обнаружены захоронения с идентичным погребальным ритуалом и датирующиеся железным веком: в устье р. Окторокон (левый приток Витима), в устье р. Каренга (правый приток Витима) и в среднем течении р. Мама (левый приток Витима) [Тетенькин 1999; Ветров, Инешин 2002]. В Баргузинской долине с восточной стороны Байкала пока известно только одно погребение, которое можно отнести к елгинской группе захоронений. Оно обнаружено на памятнике Шулуун Шэнэгэльжин. К погребениям, косвенно относящимся к елгинской погребальной традиции, также можно добавить захоронения на памятнике Жигуржинка на Иногде [Кириллов и др. 2000], Кия XIII около г. Шилки [Ковычев Е.В., Ковычев Е.Е. 1996], Бодон I [Дашибалов 1995; Харинский 2001a], Баргай на р. Селенга [Коновалов 1983].

Важным аспектом является то, что вместе с захоронениями елгинского типа в Предбайкалье распространяются вещи, до этого не встречавшиеся к западу от Байкала. Среди них, прежде всего, выделяются изделия из бронзы, связываемые с хуннской культурной традицией: ложечковидные застёжки ремня, бляшки с зооморфными изображениями, четырехугольные и фигурные поясные пластины. Из погребального инвентаря практически исчезают изделия из камня. Наблюдают изменения в вооружении. Появляются сложносоставные луки с концевыми боковыми накладками, имеющие вырез для крепления тетивы, железные трехлопастные наконечники стрел, костяные наконечники стрел с раздвоенным насадом, железные ножи с кольцевым или петельчатым навершием. Среди бытовых вещей следует отметить железные сферические пуговицы, по форме напоминающие пуговицы из бронзы, и детали прибора для добывания огня. Появляются украшения из железа: бабочковидные бляшки и полые кольца [Коростелев, 2022: 24].

Корни елгинской керамической традиции, как и елгинский погребальный обряд, уходят в Южное Забайкалье. Керамика с подобными характеристиками встречается в Южном Забайкалье уже в плиточных могилах. А.Д. Цыбиктаров считает, что гладкостенные сосуды, украшенные рассеченными или не рассеченными валиками, появляются

уже на чулутском этапе (XIII – VIII вв. до н.э.), а на ацайском этапе (VIII – VI вв. до н.э.) они занимают ведущие позиции в керамическом комплексе [Цыбиктаров, 1998: 121-122]. В середине I тыс. гладкостенная плоскодонная керамика, орнаментированная горизонтальными валиками, становится доминирующей в Южном Забайкалье и часто встречается в культурных слоях этого времени [Миняев 1988: рис. 3, 22; Лбова, Гречищев 1995: рис. 2, 2,3].

С включением Южного Забайкалья в состав хуннской державы на его территории распространяется керамика совершенно иного типа: сероглиняные сосуды, выполненные на гончарном круге, орнаментированные волнистыми и прямыми прочерченными линиями и подвергшиеся вертикальному лощению. Например, глиняный сосуд с Байкальского XXVII комплекс №6 полностью копирует своей формой и орнаментацией хуннские сероглиняные лощенные сосуды, выполненные на гончарном круге [Коростелев, Харинский 2010: 75]. Носители же предшествующих керамических традиций были вытеснены в Предбайкалье и Восточное Забайкалье или смешались с завоевателями.

Располагаясь на северной периферии Центральноазиатского региона, Предбайкалье играло важную посредническую роль в его культурных связях с Северной Азией. По долинам Ангары и Лены происходило перемещение товаров с юга на север и в обратном направлении. Под воздействием различных причин в разные исторические периоды по этим же «транспортным коридорам» преимущественно с юго-востока на северо-запад и северо-восток происходило и передвижение народов. На новой родине они выбирали для расселения районы с привычным для них ландшафтом, что во многом предопределялось особенностями их хозяйственного уклада. Так произошло с носителями культуры плиточных могил и елгинских погребальных традиций, расселившихся в остепненных районах Предбайкалья, наиболее пригодных для занятия скотоводством. Сталкиваясь с аборигенным населением, переселенцы или вытесняли их со своих земель или старались устанавливать взаимовыгодные отношения, проживая бок о бок друг с другом. Примерно в таком ключе можно рассматривать отношения, установившиеся в конце II – I тыс. до н.э. сначала между бутухейцами и «плиточниками», а затем, начиная середины I тыс. до н.э. между бутухейцами и елгинцами.

Выводы. Обладая более развитыми технологиями и имея уже налаженные торговые связи с жителями Центральной и Восточной Азии, переселенцы способствовали ускорению экономического развития аборигенного населения и его вовлечению в международную

торговлю. Наибольший расцвет международных связей отмечался в период политической стабильности в степях Центральной Азии, установившейся после образования державы хунну. Носители елгинских погребальных традиций стали получать от южных соседей предметы, игравшие в их среде престижную роль. Некоторые из них переправлялись в более северные районы, при этом жители Предбайкалья нехватку «статусных» предметов восполняли копиями, воспроизводимыми с них. Например, поясная пластина из бронзы с Байкальского VII, комплекс №2. На изделии в результате многократного копирования, слабо видны изображения грифонов по углам пластины [Коростелев 2010а]. Основой хозяйственной деятельности елгинцев было скотоводство. Но ограниченность остепненных участков в Предбайкалье не позволяла заниматься кочевым скотоводством.

Если проводить параллели с современными обитателями края – бурятами, то, вероятнее всего, елгинцы вели полуоседлое скотоводство, переселяясь в течение года с зимников на летники, а затем в обратном направлении. Ограниченность в пастбищах и, соответственно, более низкая плотность населения, делали территорию Предбайкалья малопривлекательной для хуннов, благополучие которых во многом строилось на возможности расширения пастбищных угодий. Естественные преграды в виде озера Байкал и расположенных по его берегам хребтов, создавали сложности для набегов хунну на эту территорию, а тем более ее подчинение и осуществление над ней контроля. Выгоднее было торговать с ее жителями, сохраняя с ними мирные отношения.

Находясь под значительным культурным влиянием хунну, елгинцы смогли сохранить присущие им культурные традиции, представление о которых дают различные археологические памятники, которые были оставлены ими на территории Предбайкалья и, в первую очередь, это погребения и поминальники. Заняв к концу I тыс. до н.э. доминирующее положение в Предбайкалье, елгинцы оказывали значительное влияние на своих соседей – жителей таежной зоны. Елгинская культура, просуществовавшая в Предбайкалье почти тысячу лет, не исчезает бесследно, как, например, культура плиточных могил, а стала основой для формирования новой культурной общности – носителей черенхынских погребальных традиций. Время их существования в Предбайкалье относится к V-IX вв. Умерших хоронили в могильной яме, иногда обложенной по периметру каменными плитами. Погребенного укладывали набок с подогнутыми ногами, головой на северо-восток. Над могилой сооружалась кладка овальной формы. К настоящему

времени захоронения этого типа встречены только в Приольхонье и верхней части долины Ангары.

ЛИТЕРАТУРА

Асеев И.В. Памятники железного века в бассейне реки Онон // Изв. Сибирского отделения АН СССР: серия общественных наук. 1973. Вып. 3. С. 105-109.

Асеев И.В. Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в раннее средневековье // Народы Байкальского региона: древность и современность. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. С.4-18.

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. 208 с.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху Средневековья. Новосибирск, 1984. 201 с.

Ветров В.М., Инешин Е.М. Погребения раннего железного века бассейна реки Витим (датировка и культурная принадлежность) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ – Чита, 2002. С. 92-103.

Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С.45-46.

Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. Иркутск: Арком, 1995. Ч.1: Остров Ольхон. 142 с.

Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ, 1995. 189 с.

Ивашина Л.Г., Климашевский Э.Л. Работы в Бурятии // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 214-216.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 176 с.

Ковычев Е.В., Ковычев Е.Е. Могильник хуннского времени Кия-13 // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996. С. 100-103.

Коновалов П.Б. Отчет о полевых археологических исследованиях 1982 года в Бурятской АССР. Архив ИА РАН. Р.1., № 9125. Улан-Удэ, 1983. 97 с.

Коростелев А.М. Погребально-поминальный комплекс Байкальское VII на северо-западном побережье Байкала // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2010а. С. 155-159.

Коростелев А.М. Бутухейские и елгинские погребально-поминальные комплексы Предбайкалья V в. до н.э. – IV в. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2022. 26 с.

Коростелев А.М., Харинский А.В. Погребально-поминальный комплекс Байкальское 27 и его культурно-хронологическая интерпретация // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 73-76.

Лбова Л.В., Гречищев Э.Р. К проблеме поселений эпохи металла степной зоны Западного Забайкалья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 7-17.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по С-14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. 1989. № 1. С. 19-32.

Миняев С.С. Дурены-2: многослойное поселение в Западном Забайкалье // СА. 1988. №2. С. 228-233.

Тетенькин А.В. Геоархеологические местонахождения плейстоцен-голоцена в Бодайбинском районе Байкало-Патомского нагорья: хроностратиграфия, морфология, периодизация: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. 21 с.

Туркин Г.В. Лесостепное Предбайкалье в кон. II – I тыс. до н.э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003. 24 с.

Хамзина Е.А. Ранние погребения в Онкулях (долина р. Баргузин) // Этнографический сборник. Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1974. Вып. 6. С. 234-243.

Харинский А.В. Исследование памятников эпохи металла в Кудинской долине // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994 – 1996 годах. Новосибирск, 2000б. С. 140-142.

Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. Иркутск, 2001а. 238 с.

Харинский А.В. Погребальный ритуал населения северного Прибайкалья в середине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э.: по материалам могильника Байкальское XXXI // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004а. Вып.2. С. 134-150.

Харинский А.В. Престижные вещи в погребениях байкальского побережья конца I тыс. до н.э. – начала II тыс. н.э. как показатель ре-

гиональных культурно-политических процессов // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сборник научных трудов / Под. Ред. Ю.В. Кирюшина, А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004б. С. 108-114.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005а. Вып. 3. С. 198-216.

Харинский А.В. Вооружение жителей Приольхонья в III в. до н.э. – IV в. н.э. и некоторые тенденции развития военного дела населения Предбайкалья: сб. науч. тр. // Снаряжение кочевников Евразии: сборник научных трудов / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005в. С. 46-51.

Харинский А.В. Лесостепное Предбайкалье в хунну-сяньбийское время // Народы Внутренней Азии: этносоциальные процессы в геополитической и цивилизационной динамике. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006а. С. 11-15.

Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В. Плиточные могилы Приольхонья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Бурятии и Монголии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 64-78.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. 286 с.

1-МЫҢ ЖЫЛДЫҚТЫҢ ЕКІНШІ ЖАРТЫНДА БАЙКАЛ АЙМАҚЫНДАҒЫ МӘДЕНИ-ТАРИХИ ЖАҒДАЙЫ. ВС. – 1-МЫҢДЫҢ БАСЫ. Н.Е.

Аннотация. Мақалада б.д.д. I мыңжылдықтың екінші жартысы – б.з. I мыңжылдықтың басындағы Байкал алдындағы жерлеу кешендерінің археологиялық зерттеулерінің нәтижелері қарастырылады. Осы уақытта Байкал маңы аумағында екі жерлеу дәстүрі бірге өмір сүрді, олардың тамыры қола дәуірінен бастау алады. Олардың біріншісі – бутухей, екіншісі – плиткалы қабірлер. Екі жағдайда да жерленгендер қабір шұңқырына ұзартылған күйде қойылды. Б.д.д. I мыңжылдықтың ортасынан бастап Пребайкалье аумағында жаңа жерлеу рәсімі пайда болды, ол қабір шұңқырында жерленген адамның бүйірінде орналасуымен сипатталады. Жаңа жерлеу рәсімі – елгинскийдің пайда болуымен Байкал алдындағы ғұн мәдени дәстүрімен байланысты қоладан жасалған заттар пайда болады: қасық тәрізді белдік бекіткіштер; зооморфты бейнелері бар бляшкалар, төртбұрышты және бұйра белдік тақтайшалар. Қорытындыда жерлеу рәсімінің біртіндеп өзгеруі және Оңтүстік Забайкалье халқының Байкал алдындағы халықтың жерлеу рәсімін қалыптастыруға әсері туралы тұжырымдар жасалады. Ғұн көшпелі халқының Элга жерлеу рәсімін жүргізушілердің рухани және материалдық мәдениетіне әсерін көрсететін материалдар келтірілген.

Түйін сөздер: Байкал алдындағы, жерлеу рәсімдері, Элга халқы, ғұн, мәдени байланыстар.

CULTURAL AND HISTORICAL SITUATION IN THE CENTRAL BAIKAL REGION IN THE SECOND HALF OF THE 1ST MILLENNIUM BC – EARLY 1ST MILLENNIUM AD

Abstract. The article examines the results of archaeological studies of burial complexes in the Cis-Baikal region, dating back to the second half of the 1st millennium BC – the beginning of the 1st millennium AD. At that time, two burial traditions coexisted in the territory of the region, the roots of which date back to the Bronze Age. The first of them is the Butukheya tradition, the second is the slab graves. In both cases, the buried were placed in a burial pit in an extended position. From the middle of the 1st millennium BC, a new burial ritual appeared in the territory of the region, characterized by the position of the buried in a crouched position, on his side. With the emergence of a new burial ritual – the Elginsky one, bronze objects associated with the Hunnic cultural tradition appeared in the region: spoon-shaped belt fasteners; plaques with zoomorphic images, quadrangular and figured belt plates. In conclusion, are made regarding the gradual change in burial rituals and the influence of the population of Southern Transbaikalia on the formation of the burial ritual of the population of the Cis-Baikal region. Materials are provided reflecting the influence of the nomadic people of the Hunnu on the spiritual and material culture of the bearers of the Elginsky burial rite.

Key words: Cis-Baikal region, burial rite, Elgin people, Hunnu, cultural ties.